

Всесоюзная
Библиотечная
Сеть
Имени
В. И. Ленина

Мурзилка

XX 63
II

8

Мурзилка

№ 8

август

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ДЛЯ ДЕТЕЙ
МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Год издания четырнадцатый

ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ЦК ВЛКСМ. Адрес: Москва, М. Черкасский, 1

Тел. 1-15-42

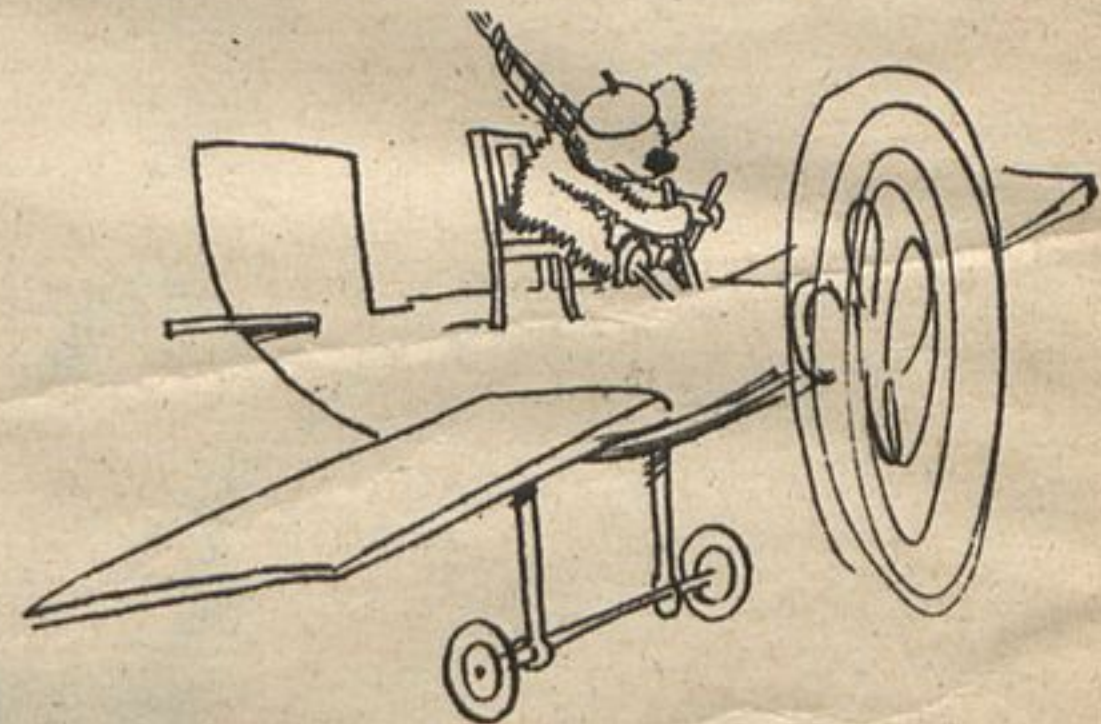
В ЭТОМ НОМЕРЕ НАПЕЧАТАНО:

- Как Витя прыгал — рассказ М. Постоловского, рисунки В. Цельмера.
- Друзья-приятели — стихи Е. Благиной, рисунки И. Лунина.
- Мамин зонтик — стихи Н. Саконской, рисунок А. Петровой.
- Рассказы о полярной зимовке — Д. Зарецкого, рисунки И. Лунина.
- Воздушный парад — стихи Е. Тараховской, рисунки Е. Бургункера.
- Максим Максимович Максименко — рассказ И. Рахтанова, рисунки А. Малушина.
- Неизвестная земля — стихи Л. Некрасовой, рисунок Е. Бургункера.
- Шах-петух — сказка. Обработка Л. Лесной, рисунок С. Прусова.
- Воздушный парад в зоопарке — рисунок Л. Смехова.
- Мурзилкина газета.
- Лагерные рассказы — Жени Захватова.
- Шутки, загадки и игры — М. Гершензон.
- На обложке: детская парашютная вышка — рисунок В. Константинова.
- Перелет Мурзилки через журнал — рисунки А. Каневского.
- Приложение: Книжка знаков различия Красной армии — А. Кокин, А. Афанасьев, рисовал Д. Виноградов.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Книжку знаков различия Красной армии сделай так:

Возьми вкладной лист, найди на нем изображение звезды и сверни лист пополам так, чтобы звезда была сверху. Потом сверни лист еще три раза пополам, но не забывай делать так, чтобы звезда была все время сверху. Когда все это сделаешь, проверь нумерацию страниц, сшей аккуратно, разрежь — и книжка готова.

Вот и взлетел!

Ребята! В номере 7-м на стр. 12 под рисунком напечатан отрывок из народной песни о Гарибальди, которого народ звал Галубарда.

— Все летают, — сказал Мурзилка. — Птицы, летчики, слоны...

— Где же это ты видел, чтоб слоны летали? — остановили мы заболтавшегося Мурзилку.

— Нет, иногда летают! Посмотрите сами на странице двадцатой. И я летаю! — закричал Мурзилка. — Я хочу

совершить перелет через весь этот номер.

И с этими словами храбрый Мурзилка вскочил в свой самолет „Драндулет“ и взлетел с этой страницы. Следите за Мурзилкиным перелетом через весь номер восьмой нашего журнала.

XX $\frac{63}{11}$

КАК ВИТЯ ПРЫГАЛ

Я Витю не выдумал, такой мальчик есть на самом деле. Он живет под Москвой, в Тушине, у самого аэродрома. Так его и зовут—Витя Овсянников. Отец у него—авиатехник, и Витя тоже любит авиацию и знает всякие авиаслова: штопор, вираж, на три точки, пикировать, спланировать, капот и другие.

Утром он, как встанет, первым делом кидается к окну. И если хороший день, он радуется:

— Летный день, летный!—и отправляется на аэродром.

Там шумят самолеты. Витя знает все конструкции: какой „уточка“, какой бомбовоз, какой истребитель, какой почтовик. Он знает все фигуры высшего пилотажа: когда самолет делает „бочку“, когда „иммельман“, когда „восьмерку“, а когда просто „мертвую петлю“.

А если прыгают парашютисты, Витя со всех ног бежит встречать. При этом он часто слышит, как в голубой вышине раздаётся веселая песня:

*Чтобы тело и душа
Были мо-ло-ды, были молоды,
Ты не бойся ни жары
И ни хо-ло-да...*

Это поет снижающийся парашютист. Чуть ноги воздушного гостя в синем комбинезоне коснутся земли, Витя уж тут как тут. Он говорит прыгуну: „здравствуйте“, он помогает „гасить“ и укладывать парашют...

И прыгуны никогда его не прогоняют. А начальник парашютной школы, знаменитый парашютист, сказал ему однажды:

— Что ты вертишься под ногами? Попрыгать охота, молодой человек?

Витя смутился, растерял все слова и только головой успел качнуть: еще бы...

— Что ж,—сказал начальник,—приходи вечером в клуб! Мы тебя сбросим!

Вот хорошо! Витя радостно запрыгал. Потом он остановился: „Как же они меня будут сбрасывать вечером, когда темно? Ну, ничего, вечером ведь еще не очень темная темнота! И фонари везде!“

Медленно тянулся день. Витя томился.

Наконец над аэродромом снизился вечер. Витя побежал в клуб. Там, в парашютной комнате, он увидел начальника. Кругом стояли ученики.

— Мальчик, — сказали укладчики, — ты, верно, не туда пошел? Тебе, верно, в пионерскую комнату надо?

Но дядя Яша сказал:

— Нет, он попал, куда надо. Это вам будет помощник по укладке. Научите-ка его!

— Дядя Яша, а сбрасывать когда же? — осмелел Витя.

Начальник улыбнулся.

— Сначала научись укладывать, потом поговорим!

Витя взялся за дело. Укладчики ему все показали. Укладка парашюта — большое искусство. Чуть немножко не так, чуть малейшая складка, крохотный узелок — и парашют не раскроется, и прыгун погибнет. Нет, не всякому можно доверить эту работу. Но Вите доверили, потому что он очень старался и укладывал внимательно.

Через два месяца он стал настоящим укладчиком. Дядя Яша испытал уложенный Витей парашют и сказал:

— Молодец! Теперь мы тебя сбросим! Надевать парашют умеешь?

— Умею, — ответил Витя.

— А дергать?

— И дергать умею, — ответил Витя. — Я знаю, за кольцо!

— Ну, иди, надень парашют, поднимем тебя!

Не чуя ног, Витя помчался в клуб. Через несколько минут он прибежал, с основным парашютом на спине и с запасным на груди. Он все боялся, что дядя Яша передумает. Но дядя Яша не передумал, подвел его к самолету и сказал:

— Садись.

Заревел мотор, стартер махнул флажком, и вот, наконец, Витя в воздухе. Летчик набирает высоту. Витя волнуется. Сейчас самолет развернется, и летчик скамандует: „Овсянников, вылезай!“

Самолет разворачивается, делает вираж, скользит на крыло. Витя приготовился, привстал даже. Но команды все нет. Самолет выравнивается, а команды все нет! Самолет идет на посадку, а команды все нет! Самолет сел, Витя вылез возмущенный.

— Не обижайся, — сказал начальник: — прыгнуть всегда успеешь, сначала надо тебя „облетать“, чтоб ты привык к высоте, к самолету!

Через две недели начальник посадил Витю в самолет и сказал:

— Гляди, Овсянников, если струсишь, не прыгай! Скажи тогда летчику! Ничего зазорного в этом нет! В следующий раз спрыгнешь!

— Ладно, — ответил Витя, и самолет взлетел.

Страха не было, только беспокойно: вдруг его опять только „облетывают“?

Семьсот метров! Летчик сбавил газ и обернулся:

— Вылезай на плоскость!

Витя, сжав зубы, выбрался на крыло. Зеленая земля лежала внизу какая-то перекошенная. Витя вздохнул, зажмурился и ринулся вниз. Ветер ударил в лицо. „Раз... два...“ считал Витя. Пять! Он потянул за кольцо. Витю дернуло, потом он стал плавно и тихо спускаться. „Раскрылся!“ подумал Витя и открыл глаза. Внизу приветливо пестрело поле аэродрома, весело желтели маленькие домики, ярко блестела серебряная лента Москва-реки. Над головой раскинулся шелковый купол. Вите стало удивительно легко и хорошо, и он запел, как заправский парашютист:

*Чтобы тело и душа
Были мо-ло-ды, были молоды,
Ты не бойся ни жары
И ни хо-ло-да...*

Пока спускался, всю песню спел.

На земле начальник спросил:

— Ну, как, еще будешь прыгать?

— Обязательно! — закричал Витя, укладывая парашют. — Хоть каждый день сбрасывайте!

Через несколько дней его сбросили еще раз. Второй прыжок прошел тоже хорошо.

Зато третий прыжок получился с приключениями. Из-за лямки! Тогда такой автомат изобрели с предохранительной ляжкой. Если парашютист в воздухе растеряется или потеряет сознание, лямка сама выдернет маленький вытяжной парашютик, а парашютик вытянет настоящий большой парашют. Вот Витя и захотел эту лямку испытать.

Сначала все шло хорошо. Когда летчик подал знак, Витя выбрался на крыло и бросился вниз. Через пять секунд он дернул за кольцо. Толчок — и Витя повис на стропах, раскачиваясь, но не спускаясь. Что такое? Витя растерянно посмотрел вверх. Парашют не раскрылся. Витя висел на лямке, под крылом самолета. Лямка зацепилась за что-то и не отпустила. Что делать? Самолет с каждой минутой терял равновесие и скорость. Открыть запасной парашют? А вдруг лямка все равно не отцепится и Витя повиснет с открытым парашютом? Тогда самолет еще больше потеряет равновесие, упадет на землю и разобьется.

Витя испугался. Самолет все кружил над аэродромом, теряя высоту. Летчик понимал: итти на посадку, значит убить мальчика. Маленький парашютист, беспомощно болтаясь, висел под самолетом. На аэродроме засуетились. Встревоженный начальник мигом сел в самолет, взлетел и стал кружить около Вити. Вдруг раздался отчаянный крик:

— Яша дядя! Яша дядя! — кричал Витя, путая слова. — Отцепите меня!

Ай, заклевали Мурзилку!

Начальник стал делать руками какие-то знаки. Витя сообразил: надо открыть запасной парашют. Он кивнул головой: „Понял“. Самолет начальника отошел в сторону.

Витя дернул за кольцо запасного парашюта. Рывок, за ним толчок — и злощастная лямка, наконец, лопнула! Витя оторвался от самолета и плавно опустился на милую землю.

Сбежались летчики. Начальник снизился и подошел к Вите:

— Цел, „Яша дядя“?

Витя засмеялся:

— Цел, товарищ начальник!

— Еще будешь прыгать?

Бледный, взъерошенный Витя ответил:

— Обязательно, товарищ начальник!

— Ошибаешься, товарищ Овсянников, — сказал начальник и обнял Витю. —

Будет с тебя! Вырастешь, тогда прыгай, пожалуйста, сколько угодно, а пока — довольно! Ребятам вообще прыгать не разрешается.

Так и запретил начальник Вите прыгать.

Теперь жди вот пять-шесть лет, ведь это никакого терпения нехватит!..

*М. Постоловский
Рисунки В. Цельмера*

В Крыму, на берегу Черного моря, в пионерском лагере Артек, живут вместе сынишка испанского бойца, Валя Молоков и Игорь Чкалов.

ДРУЗЬЯ-ПРИЯТЕЛИ

Три приятеля дружили...
И, должно быть, потому
Так чудесно вместе жили
Три приятеля в Крыму.
Вместе ели, вместе спали,
Просыпались поутру,
Вместе трусики стирали,
Вместе хворост собирали
К пионерскому костру.

И друзья любили эти,
Не доспав один часок,
Выйти к морю на рассвете
И улечься на песок.

Волны пенные кипели,
Грохоча наперебой,
И ребята песни пели
Или просто так сидели
Толковали меж собой.

Иль, совсем тихонько сидя,
Каждый думал о своем.
Первый думал о Мадриде,
О друзьях, погибших в нем,
Об отце на поле бранном,
О винтовке, о штыке—
Думал он на иностранном,
Чуть гортанном языке.

А второй, прикрыв ресницы,
Видел полюс, белый снег,
И, блестя, стальные птицы
Выплывали из-под век.

Видел он отца в кабине
Рвущим гущу облаков,
Льдину видел и на льдине
Четырех зимовщиков...

Трепетала в ярком свете
Даль морская без конца...
И молчал поодаль третий,
Вспоминая про отца:

Как ветра его качали,
Как душили облака,
Как в Америке встречали
Молодого смельчака...

Солнце пуще пригревало,
Набирая высоту.
Детвора тогда вставала
И на лодке уплывала
В голубую широту.

Е. Благинина

Рисунки И. Лунина

Мамин

ЗОНТИК

Н. Саконская

Рисунок А. Петровой

Мамин зонтик поломался, —
это дождик виноват.
Зонтик часто раскрывался,
оттого что начинался
дождик
двадцать раз
подряд.
Он обрушился на крыши
морем
зерен
золотых,
а потом пошел потише,
а потом совсем затих.
Перестал
минуток
на пять

и опять
принялся
капать.
На дорожку, на меня,
на березку у плетня.
Вот так дождик! Принимался
брызгать
двадцать раз
подряд;
мамин зонтик раскрывался
тоже
двадцать раз
подряд.
Оттого и поломался, —
это дождик виноват!

Рассказы о полярной Зимовке

ПРИЕХАЛИ

Нас высадили на пустынный берег острова Белого в Северном Ледовитом океане. Остров находится на 74-й параллели северной широты. Береговые жители называют его Сэр-о, что значит ледяной остров.

Мы долго смотрели вслед уходящему пароходу.

Петя, радист, помахал рукавицей в его сторону и крикнул.

— Будет радио — весь мир облечу!

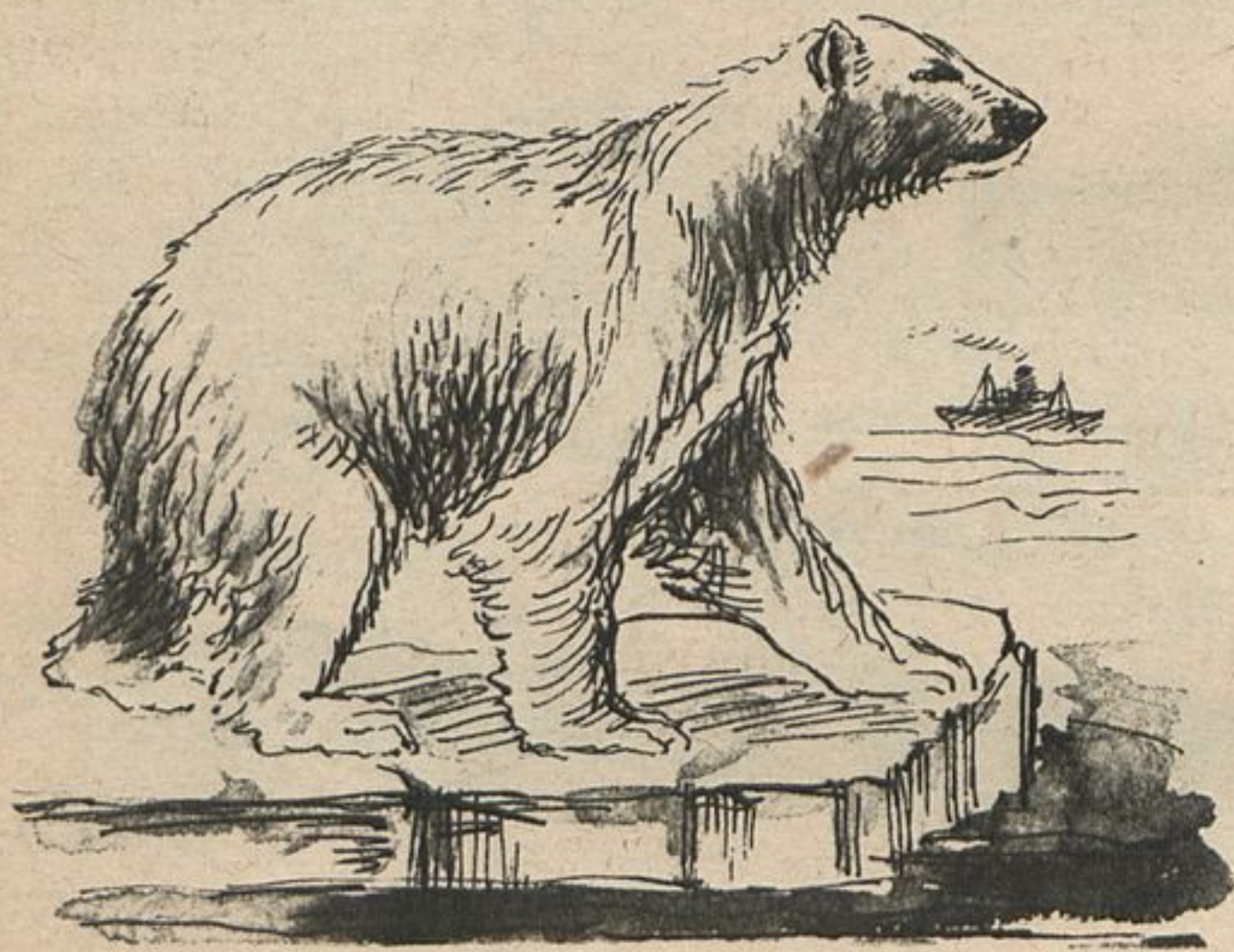
Мы дали последний прощальный ружейный залп и разошлись на работу. Работы было много: разобрать имущество, заготовить дров, построить жилье...

На другой день повалил снег, ударил сильный мороз, а через неделю наш остров со всех сторон сковало льдом. Наступила полярная ночь. В ясную погоду на небе вспыхивали и гасли переливчатые, огненные полосы северного сияния. От этого зрелища невозможно было отвести глаз, и мы, любуясь на него, часами простаивали на морозе.

Казалось, мы были оторваны от всего мира.

Но мы не скучали. Все были заняты: рубили, тесали, конопатили стены, вставляли стекла, делали железные печки и вели научные работы. Нужно было выяснить: в какую сторону больше всего идет морское течение? Куда несет льды? Через какой промежуток времени наступает морской прилив и отлив? Откуда больше всего дует ветер? Когда бывают туманы, мороз и снег?

Потом надо было разузнать, что это за остров, какие звери и птицы живут на нем, какие растут растения, какие рыбы плавают в море.

МЕДВЕДЬ НА ЛЬДИНЕ

Впервые мы встретились с белым медведем еще в пути. Мы ехали в Арктику морем на большом пароходе. А „Миша“ плыл на льдине. Льдина была гораздо больше нашего парохода. Мы прекрасно видели, как медведь спокойно смотрит на нас, будто хозяин на непрошенных гостей. Кто-то из новичков хотел выстрелить, но его удержали. Зачем? Все равно не возьмешь.

Все смеялись, кричали:

— Миша, куда едешь?

— Михал Потапыч, принимай гостей!

Но медведь спокойно стоял на льдине, он только медленно и важно поводил головой.

МЕДВЕДЬ И БЕЛЬЕ

Среди зимующих не было женщин. Стирка белья была для нас самой трудной работой.

Чтобы облегчить это дело, наш добродушный врач Аркадий Петрович выдумал особый способ: положил белье в бак с водой, накрошил туда мыла, положил соды и нашатырного спирта. Все это вскипятил и оставил киснуть двое суток.

По его мнению, вся грязь должна отойти сама — без всякой стирки.

Но, когда он стал вытаскивать белье, все оно оказалось черным.

Он в ужасе вытаскивал из бака черно-грязное белье и ругался, а мы смотрели на него и весело смеялись.

— Вот так выстирал!

— Вот это стирка по новому способу!

Оказалось, что он вместе с бельем, в один бак, положил черный свитер, портянки и еще что-то черное.

Получилось грязнее, чем было.

Но его ожидала другая беда: он развесил белье и оставил его на ночь. А в эту ночь на станцию забрел медведь и все его белье порвал и разбросал далеко вокруг по снегу.

Надо было видеть Аркадия Петровича, как он с проклятиями и ругательствами ходил и собирал клочья разбросанного белья.

Рассказов об этой истории нам хватило на целый месяц.

КАК МЫ ШИЛИ СЕБЕ ШТАНЫ

Нам понадобились теплые меховые штаны. Готовых не было. Были у нас меховые спальные мешки, малицы (чехлы с рукавами), собачьи и оленьи шкуры. Шить штаны никто из нас не умел. Как тут быть? Наконец нашлись два смельчака, которые взялись за это дело. Это был каюр¹ Миша и доктор Аркадий Петрович.

Премудрость шитья им долго не давалась. У них получались две трубки, а дальше ничего не выходило. Над ними смеялись:

— Это фигуры для подзорной трубы, а не штаны!

— Шутами, что ли, хотите нас наряжать?

— Как же их надевать?

Портные отшучивались или сердито ворчали, распарывали, кроили и шили вновь.

В конце концов штаны были готовы. Портные их очень расхваливали, но но-

сить штаны было трудно. И пришлось каждому из нас переделывать их по-своему.

ШУТКИ ПОЛЯРНОГО ДЕДА МОРОЗА

Однажды вот что случилось. С упряжкой собак я отправился в глубь острова. Был сильный мороз. Моя борода покрылась инеем и скоро превратилась в одну огромную сосульку.

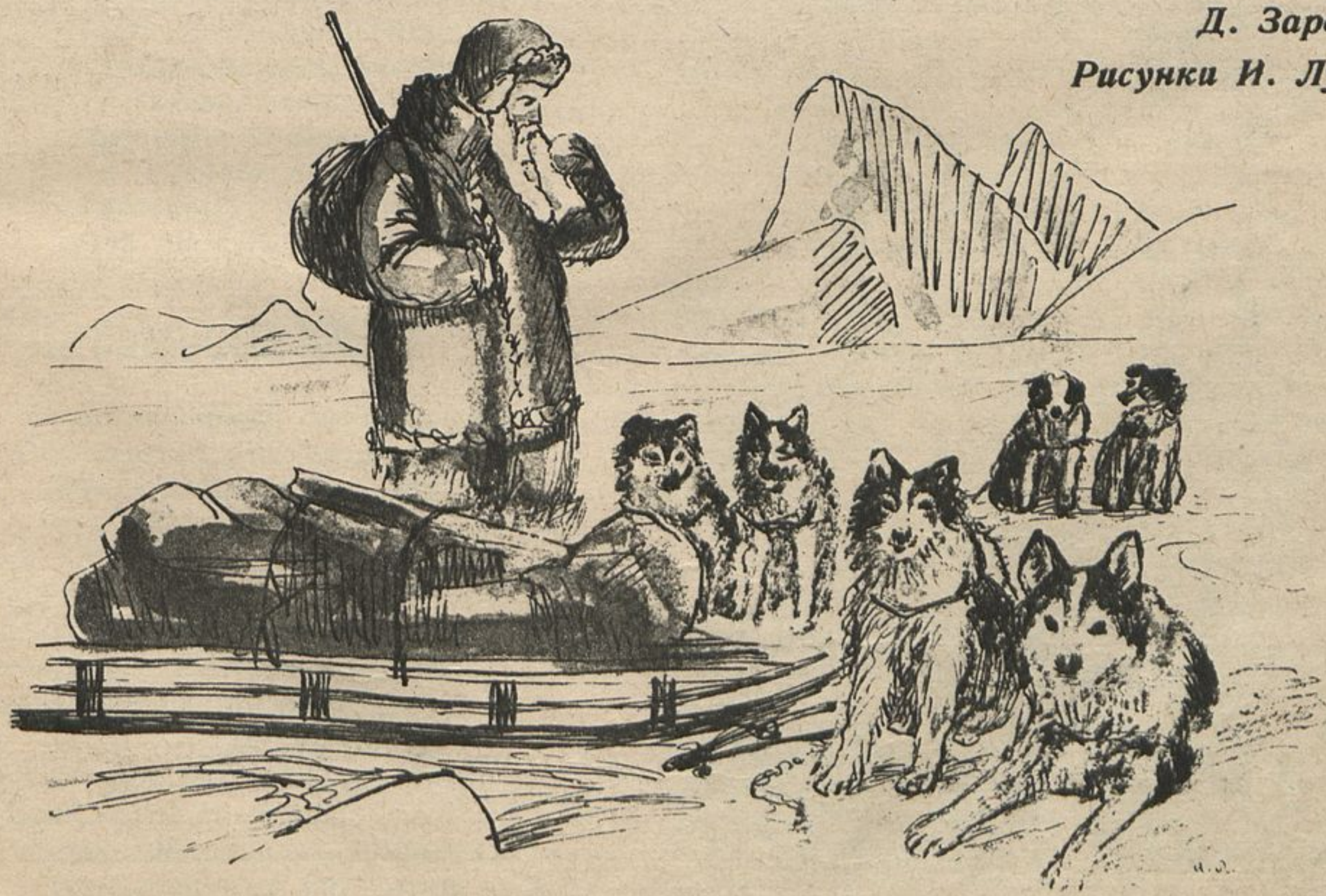
Я высморкался и медленно, с выдержкой, вытер нос рукавицей. Тут-то и случилась неприятность. Мороз сделал хватку. Рукавица примерзла к усам. Отрвать я ее не мог — было больно. Пришлось вытащить руку из рукавицы и спрятать за пазуху, а рукавица так и осталась болтаться под носом, на усах и бороде. Я поскорее вернулся домой и побежал на кухню к плите оттаивать рукавицу. Хотел я это сделать так, чтоб никто меня не видел, но не вышло. Все сбежались и ну смеяться до-упаду.

(Продолжение следует.)

¹ Каюр — охотник, ведающий собаками.

Д. Зарецкий

Рисунки И. Лунина

ВОЗДУШ

ГОЛУБОЙ ДЕНЬ

Сегодня в небо самолеты
Взлетят, как стаи голубей.
Сегодня праздник — день полета,
И флаги неба голубей.

Дай руку мне! Иди за мною!
Итти под песню веселей!
Сейчас увидишь над землею
Полет воздушных кораблей.

АЭРОСТАТ

Улетает первым в небо
Надувной аэростат,
Трубачи на шаре в небо
Вместе с музыкой летят.

Музыканты с дирижером
Улетают в высоту,
В небе руки дирижера —
Словно крылья на лету.

ПАРАШЮТИСТЫ

Сто пятьдесят парашютистов —
Сто пятьдесят, сто пятьдесят! —
Сто пятьдесят парашютистов
Под

парашютами

висят.

Сто пятьдесят сердец отважных —
Сто пятьдесят, сто пятьдесят! —
Сто пятьдесят сердец отважных
Под облаками

бьются

в лад.

Раскрылись на небе бутоны.
Сто пятьдесят, сто пятьдесят!

НЫЙ ПАРАД

Е. Тараховская
Рисунки Е. Бургункера

И в небе желтый и зеленый
Волшебный
 расцветает
 сад.

БОЙ

Что гремит и что грохочет?
Почему сегодня днем
Потемнело будто ночью?
Неужели это гром?
 Но при солнце что за грозы?
 И откуда пыль столбом?
 Это бомба с бомбовоза
 Угодила прямо в дом.
Разлетелся дом фанерный —
Крыша, окна и стена, —
Это бой идет примерный,
Это будто бы война.

ПРИЗЕМЛЕНИЕ

Над трибуной, над толпою,
Над мной и над тобою
Опускаются герои
По дороге голубой.
Эти летчики летели
В бурю, ветер и метели,
Над снегами и пургой.
 Эти летчики — герои —
 По врагу огонь откроют,
 Если вправду будет бой.
А сейчас играет солнце
На серебряном крыле,
И прозрачная несется
Тень по травам и земле.

МАКСИМ МАКСИМОВИЧ МАКСИМЕНКО

Его знают все. И он знает все заставы. Уже много лет он на границе. Но подолгу он не живет ни на одной заставе: поживет, поживет и побежит на следующую, а со следующей опять побежит на следующую...

Его очень любят. Красноармейцы старых призывов, возвратившись домой, в письмах спрашивают: „А живой ли еще наш дорогой Максим Максимович Максименко? И коли живой, то передайте ему от меня сахару. Деньги при сем прилагаю“. В глаза его, однако, никто не называет по фамилии и отчеству — он для всех, несмотря на возраст, просто Максим или даже Максимко. Никогда не говорят ему „вы“, с ним сразу, с первого же слова, переходят на „ты“.

И он не обижается.

А знает он много. И если бы умел говорить... Впрочем, он и говорить умеет. Когда у него спрашивают: „Максимко, как живут пограничники?“, он поднимает лапу, покрывает ее другой, показывая, что пограничники живут замечательно.

Вот какой пес Максим Максимович Максименко!

Слава у него большая. И — говорили мне красноармейцы — заслуженная. Ни разу он не нарушил не то что границы, но и погранрежима. Он никогда не был на другой стороне, а если уж случайно и попал бы туда, вероятно, вернулся бы, — там на кордонах кормежка плохая.

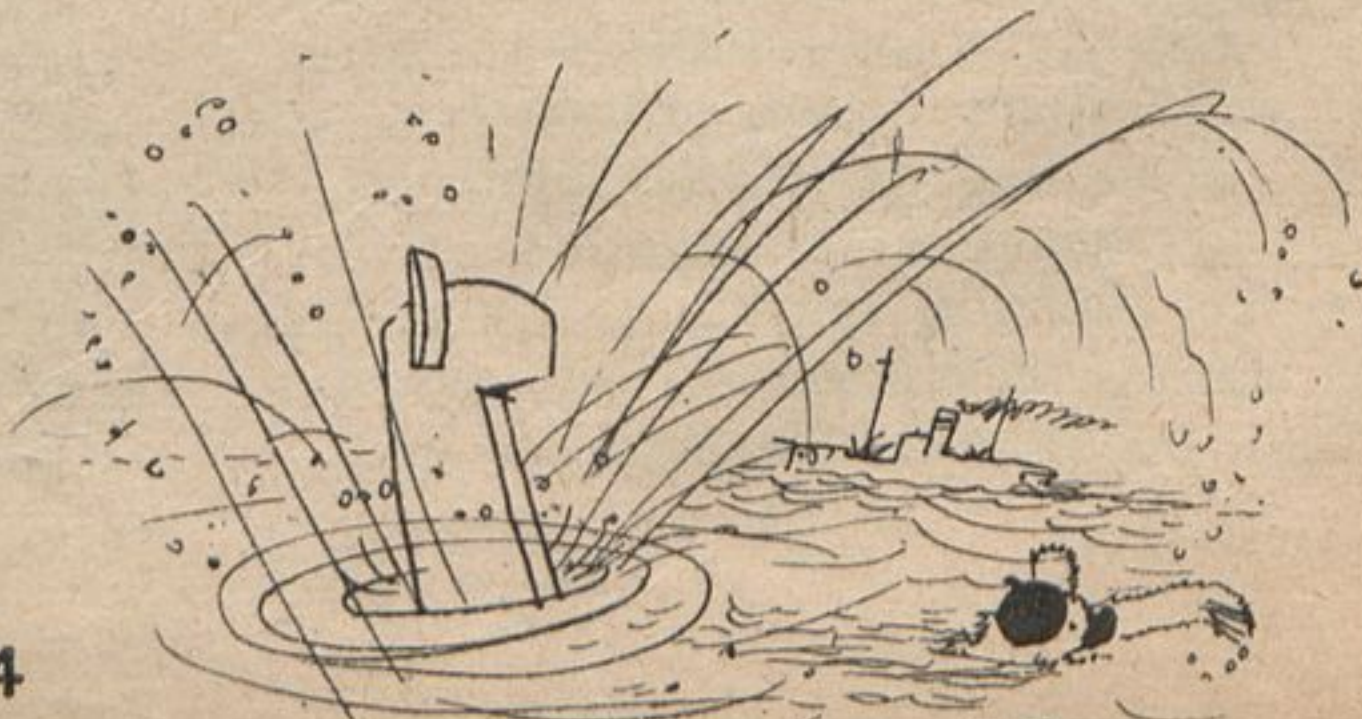
Не нужно думать, что Максим Максимович — родовитый, породистый пес, что он какой-нибудь Джульбарс или Рин-Тин-Тин, снимающийся в кино. Нет, порода, как и само происхождение Максима Максимовича, неизвестна, и он не служебный пес. Он лохматый, приبلудный, личный и в то же время коллективный, потому что не позволяет одному человеку быть хозяином над собой. Его хозяин пограничник вообще — человек в рыбацких сапогах, от которых вкусно пахнет дегтем, в овчинном полушубке и зеленой фуражке. И поэтому он перебегает с заставы на заставу. Везде будут ему рады.

К его перебежкам привыкли и уже ожидают, когда он появится.

— Что-то давно не было нашего Максима, — говорит отделенный командир Гладкий.

— Придет, — отвечает лейтенант Лобубенко. — Как лед начнет вскрываться, так он и явится.

И в самом деле, Максим Максимович приходит перед самым ледоломом. За-

става стоит на острове в озере. Отсюда рыбаки выезжают на лов снетка — маленькой рыбки величиной в спичку.

Максим Максимович устраивается на первом же мотоботе. Он лежит на капитанском мостике и первый открывает лов. Уже много лет несет он эту службу. Кажется, что, если не будет Максима, лов выйдет неудачный, рыбаки привезут мало рыбы.

В этом году Максим Максимович немного опоздал на заставу. Лед уже почти прошел, и ему пришлось то плыть, то делать прыжки с льдины на льдину. Он вышел на берег, отряхнулся и, виляя хвостом, подбежал к лейтенанту Лобубенко. Лейтенант положил большую руку на мокрую голову собаки и сказал:

— Что, пришел, Максимко? Прямо в озеро с нами теперь пойдешь, на заставе жить совсем теперь не останешься! Опоздал!

Максим Максимович встал на задние лапы и лизнул лейтенанта в лицо. Потом он, точно обрадовавшись, что стоит на твердой земле, стал метаться по острову.

На берегу собралось все население — сегодня мотоботы уходили на лов. Рыба в этом году шла косяками от эстонского берега к нам. Она хотела нарушить границу, но рыбаки с сетями уже поджидали ее.

Максим Максимович, набегавшись, прыгнул в флагманский мотобот и лег около лестницы на мостике.

Мотобот, отдав концы, первым вышел на простор.

Когда на мостик поднимались знакомые рыбаки, твердый хвост Максима Максимовича радостно стучал о дощатый пол. Стук этот словно подгонял мотор, и казалось, что мотобот идет быстрее.

Одинокое облако сопровождало мотобот до границы. Здесь должен был начаться лов.

Максим Максимович сбежал с мостика на палубу и стал суетиться между рыбаками. В этот раз и лейтенант Лобубенко и отделенный командир Гладкий выехали на путину. Место лова было самое глубокое в озере. Отсюда хорошо виден был эстонский кордон, — как и наша застава, он тоже стоял на острове. Эстонские рыбаки в парусных лодках шли навстречу нам, они спешили перехватить рыбу, и сейчас мог начаться бой из-за снетка — кто раньше поймает. Лодки шли в линию — всего пять; впереди шла большая, пузатая, с высоким парусом.

С кормы самой маленькой лодочки, повернувшейся к нашему берегу, внезапно соскользнул человек. Он вдруг перевалился за борт, упал плавно, не взмутьив воды, будто не в озеро, а в бочку с маслом, и ни слова не крикнул.

Никто на мотоботе в суете работы не заметил падения — все были заняты сетями. Не работал только Максим Максимович; он стоял на корме, вытянувшись, насторожив уши. Потом соскользнул в озеро точно так же, как за минуту до этого эстонский рыбак.

— Максимыч утоп, — сказал кто-то.

Вода была спокойна, никто не показывался на поверхности.

Все перестали работать. Прошла минута, длинная, как час. Люди не отходили от борта. Они смотрели на маслянистую, спокойную воду. Отделенный командир Гладкий начал стаскивать сапоги — он хотел броситься за Максимом Максимовичем. Командир уже снял гимнастерку, когда кто-то увидел с левого борта собаку: она плыла к мотоботу и тащила за собой какого-то человека. Все кинулись к левому борту.

— Вот пес, — сказал лейтенант Лобубенко, — не пес, инструктор!

Командир Гладкий стянул галифе и бросился в воду. За ним полетели спасательные круги. Покачиваясь на мелких волнах, круги поплыли. Командир взял у собаки человека и потянул его к мотоботу. Максима Максимовича тоже втащили на палубу.

Вода текла с эстонца, когда он поднялся на борт. Это был рыбак, светловолосый, голубоглазый, не молодой. Одет

— А может, и не рыбак,— произнес Лобубенко.— Шпрехен зи руссиш?

Эстонец молчал.

Максим Максимович бегал по палубе, останавливался, отряхивался и снова начинал бегать. Вдруг он насторожился и опять опрометью кинулся в воду.

Эстонец заметил это и побледнел. Командир Гладкий смотрел на него в упор. Было ясно — эстонец хочет прыгнуть за

он был в русскую рубаху, в русские сапоги, русские штаны. Шапки на нем не было.

— Рыбак,— сказал командир Гладкий, кутаясь в полушубок,— по всему видно — рыбак. Ты по-русски маракуешь, хозяин?

Эстонец молчал. Ему было холодно. Вода и ветер пробрали его.

собакой. Она, быстро перебирая лапами, подплыла к какому-то предмету, качавшемуся на мелких волнах. Эстонец следил за Максимом Максимовичем внимательно, но так же внимательно следили за эстонцем и лейтенант Лобубенко, и командир Гладкий, и рыбаки. Максим Максимович поймал предмет и поплыл

обратно. Командир Гладкий, нагнувшись, взял его у собаки. Это был старый су-конный картуз с маленьким кожаным козырьком.

— Ты потерял?—спросил командир Гладкий у эстонца.

Тот снова не ответил.

— Вещичка-то ваша, спрашиваю?—опять спросил командир Гладкий, переходя на „вы“, и передал картуз лейтенанту.

— Рыбак,—сказал лейтенант,—рыбак-то рыбак, а ловит что?

Втащили на борт Максима Максимовича. Он обрызгал всех и, подбежав к лейтенанту, лизнул его в лицо. Лейтенант осмотрел картуз. Синий картуз, обыкновенный русский картуз, только штормовой ремешок был спущен с козырька и болтался. Вдруг лейтенант заметил, что задняя сторона кожаного на-лобника исписана мелкими рядами цифр, выступившими в тех местах, куда про-никла вода.

— Не картузик,—сказал лейтенант Лобубенко,—а вещественное доказатель-ство. Все понятно. Поговорим отдельно. Товарищ Гладкий, оставайтесь.

Все, кроме командира Гладкого, ото-

шли. Никому не работалось, и только Мак-сим Максимович окончательно отряхнул-ся и готов был снова засуетиться, как суетился всегда, когда работали люди.

— Ваша собака, господин лейтенант, она спасла мне жизнь,—по-русски ска-зал эстонец, заикаясь,—вы понимаете, господин лейтенант, там был омут, куда я прыгнул, и я в самом деле начал то-нуть, господин лейтенант, и вы, господин отделенный командир. Мне надо было по-видаться на вашей территории... Я рас-считывал...

— Все ясно,—перебил его командир Гладкий.—Сегодня на озере день потем-нее ночи. Лов, суетня, работа. Вот вы и прыгнули. Понятно. Только не вышло это дело.

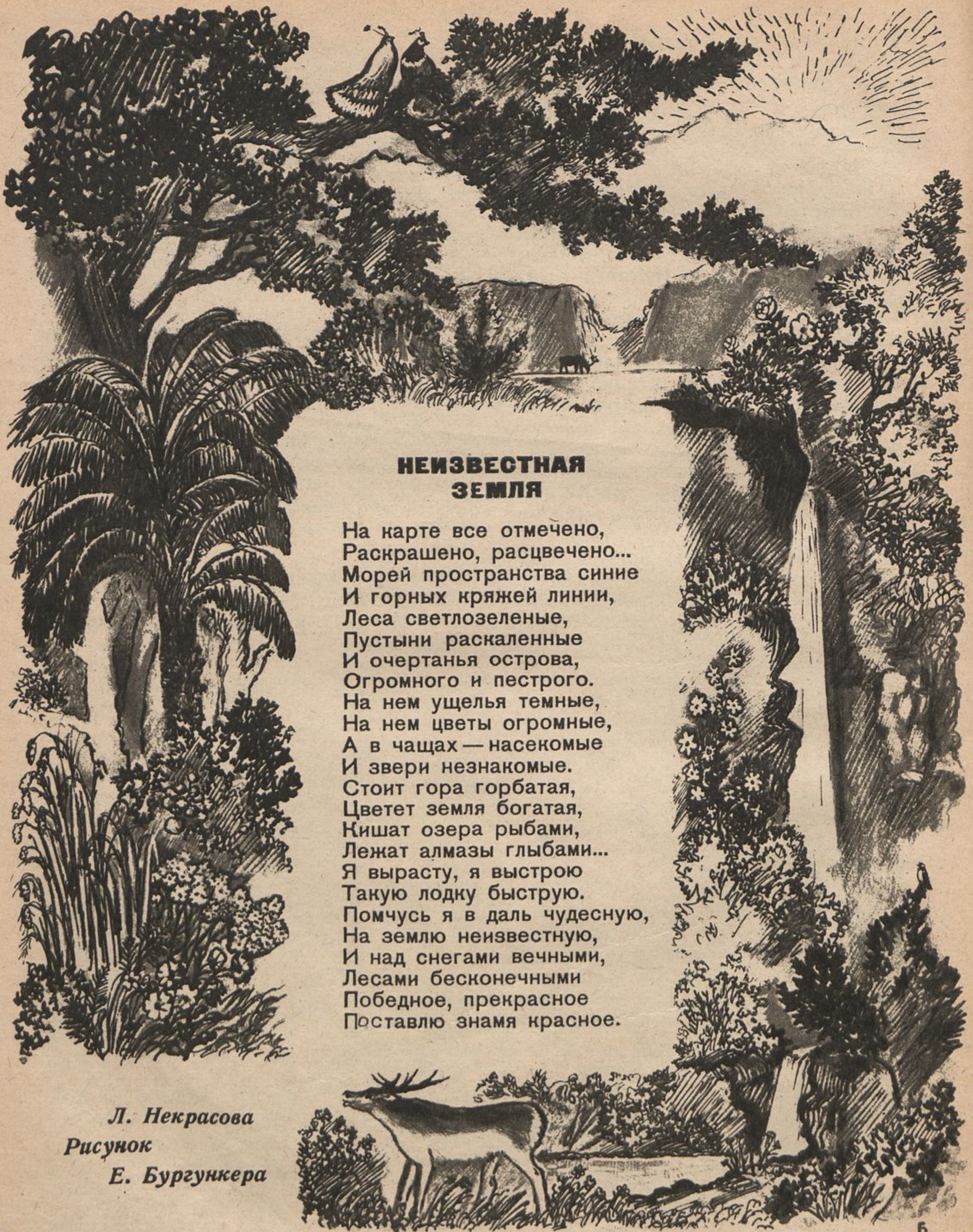
Так Максим Максимович Максименко на старости лет, после долгой и честной службы, на границе поймал нарушителя. Но Максим Максимович не долго оста-вался на заставе. Убежал, убежал на следующую!

Однако слава его стала еще больше, чем прежде.

Вот он какой пес, Максим Максимович Максименко.

*И. Рахтанов
Рисунки А. Малушина*

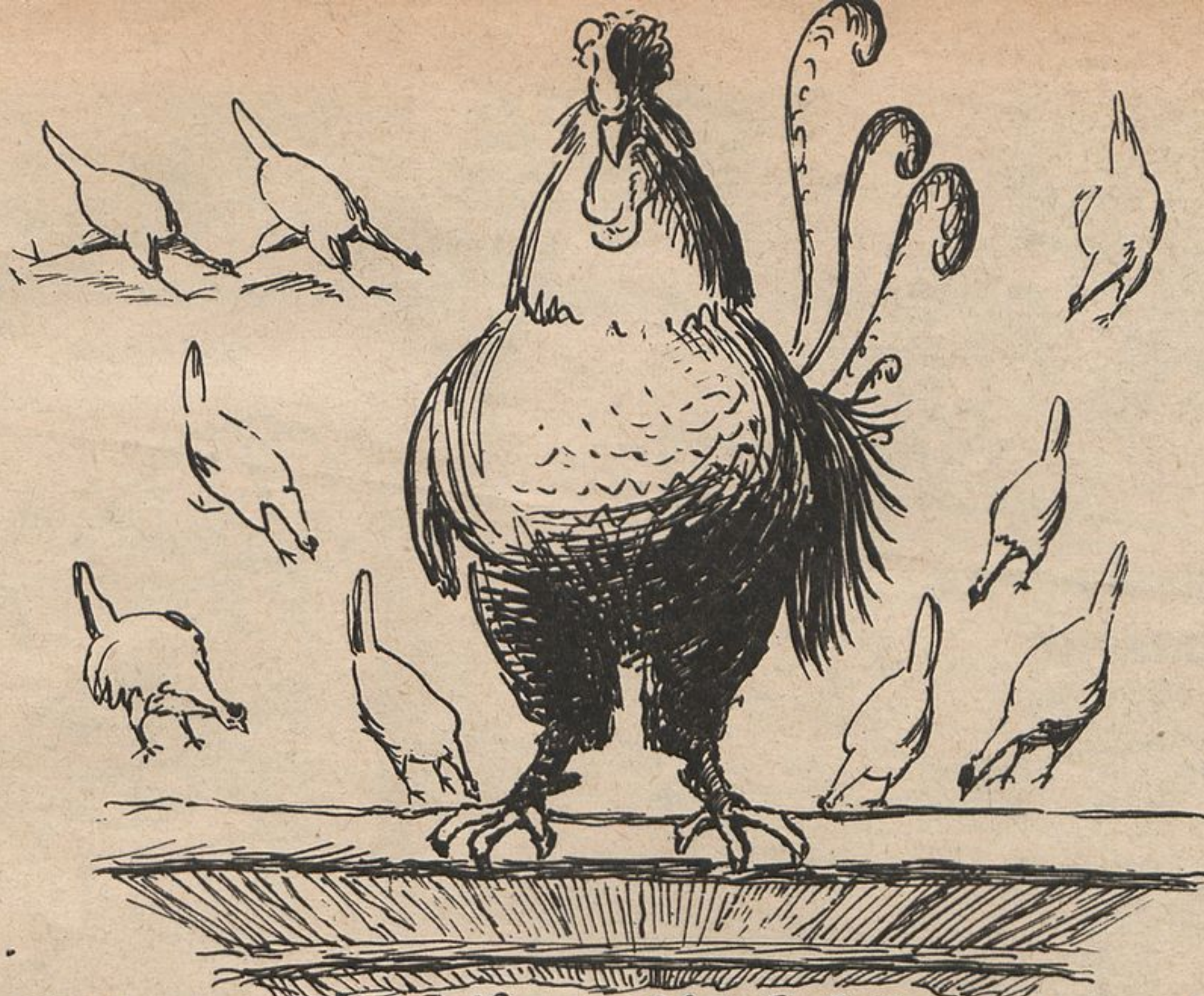

НЕИЗВЕСТНАЯ ЗЕМЛЯ

На карте все отмечено,
Раскрашено, расцвечено...
Морей пространства синие
И горных кряжей линии,
Леса светлозеленые,
Пустыни раскаленные
И очертанья острова,
Огромного и пестрого.
На нем ущелья темные,
На нем цветы огромные,
А в чащах — насекомые
И звери незнакомые.
Стоит гора горбатая,
Цветет земля богатая,
Кишат озера рыбами,
Лежат алмазы глыбами...
Я вырасту, я выстрою
Такую лодку быструю.
Помчусь я в даль чудесную,
На землю неизвестную,
И над снегами вечными,
Лесами бесконечными
Победное, прекрасное
Поставлю знамя красное.

Л. Некрасова
Рисунок
Е. Бургункера

Обработка Л. Лесной

Рисунок С. Прусова

ШАХ-ПЕТУХ

ТАТАРСКАЯ СКАЗКА

В одном курятнике жил-был петух.

Ходит петух по двору, ходит, по всем сторонам оглядывается, за порядками смотрит и важничает.

Вскочил петух на высокий забор и кричит:

— Ку-ка-ре-ку! Я шах-петух, падишах-петух, хан-петух, султан-петух! Курочки черненькие, беленькие, пестренькие, серенькие! Кто на свете красивее всех, кто на свете храбрее всех?

Сбежались курочки — чернушки, пеструшки, серенькие, беленькие, — обступили своего шаха, великого падишаха, светлого хана, могучего султана со всех сторон и запели:

— Ку-да, ку-да, ку-да, ясный хан, ку-да, ку-да, ку-да, прекрасный султан, ку-да, ку-да, ку-да, дивный шах, ку-да, ку-да, ку-да, светлый падишах, кому-нибудь с тобой равняться! Нет на свете храбрее тебя, умнее тебя, красивее тебя!

— Ку-ка-ре-ку, ку-ка-ре-ку! — запел еще громче петух. — У кого на свете голос громче всех? У кого ноги крепче всех? У кого пестрое платье?

— У тебя, султан, платье пестрое! У тебя ноги крепче всех, голос громче всех! — запели куры. Петух надулся от важности, поднял свой высокий гребень и запел изо всех сил:

— Ку-ка-ре-ку! Ку-ка-ре-ку! Эй, вы, подойдите поближе да скажите, у кого престол выше всех, у кого корона ярче всех!

Подошли курочки к самому забору и, низко кланяясь важному петуху, запели:

— У тебя престол выше всех, у тебя на голове корона, как жар, блестит. Ты наш любимый шах! Ты наш единственный падишах!

А толстый повар подкрался сзади и схватил петуха.

Ай, горе! Ай, беда!

Поймал повар могучего падишаха за правую ногу, зарезал повар великого шаха острым ножом, ощипал повар со светлого хана пестрое платье, сварил повар из важного султана вкусный суп.

А люди едят да похваляют:

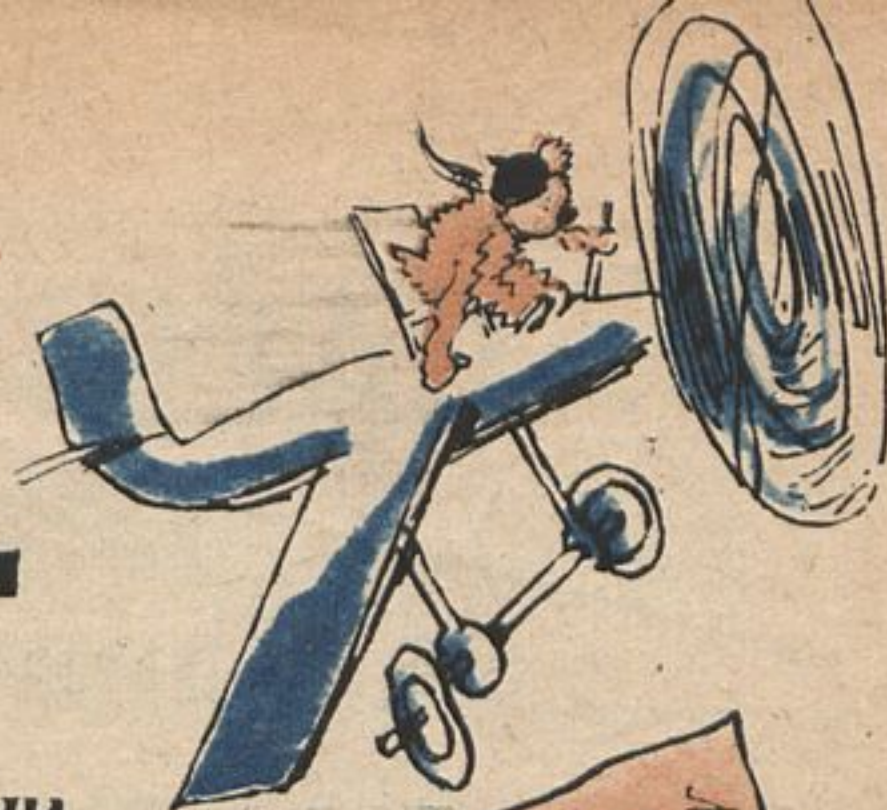
— Ах, какой вкусный петух! Ай да жирный петух!

**ВОЗДУШНЫЙ ПАРАД
В ЗООПАРКЕ**

Рисунок Л. Смехова

Мурзилкина газета

САМОЛЕТ

Быстроходный самолет,
Ты куда летишь? Вперед!
Мне хотелось бы с тобой
Пронестися над Москвой,
Побывать в твоей кабинке,
Видеть все, как на картинке,
Видеть Киев, Сталинград,
Прилететь в Баку назад.

Нора Грошева, 11 лет

Баку

ПРИРОДА

Ой, природа, дорогая!
Синее небо, река голубая,
Лес прекрасный, лес чудесный,
Светит там закат небесный.
Есть там поле, есть там луг,
И кусты растут вокруг.

Люсик Орлинский, 8 лет

Киев

В ПЕЩЕРЕ

ИЗ СВОЕЙ ЖИЗНИ

У меня был друг Ким. И вот однажды Ким сказал мне таинственно:

— Знаешь, недалеко от лагеря есть старые каменоломни. Там, говорят, зарыт клад. Вот бы нам его найти! Бежим туда.

Мы бегом бросились к пещерам. Вот мы у входа. Кругом тишина, только слышно, как какая-то птица поет в кустах и журчит ручеек. Солнце едва пробивается сквозь листву и еле освещает вход в пещеру. Мы робко вошли, вернее, вползли внутрь. Сразу мимо нас промчались какие-то тени. Я испугался.

— Ким, пойдём отсюда!..

Но он назвал меня трусом.

— Вовсе не трус! — воскликнул я и полез первым еще дальше.

Кругом была темнота. Пока глаза наши не привыкли, было немножко жутко. Оглядевшись кругом, мы решили отдохнуть и двинуться впе-

ред. Отдохнув немного, полезли в следующий вход. Пройдя немного, натолкнулись на стену и повернули назад. Начали искать выход и не нашли. Мы поняли, что заблудились.

— Ну, что, Ким, не говорил я, чтобы возвратиться?

— Сядем отдохнем, может, что-нибудь придумаем, — ответил он.

Мы сели.

— Теперь нам не выйти отсюда. Мы умрем с голоду, — сказал я и представил себе, какая страшная гибель нас ждет.

Но Ким молчал и что-то придумывал. Незаметно мы заснули.

Вдруг я слышу, кто-то меня тормошит. Просыпаюсь, гляжу — вокруг меня ребята с вожатым и двумя крестьянами. Мы, смущенные, встали. Оказывается, мы были совсем близко от выхода. В лагере нас хватились и пошли искать всем отрядом. После этого нас все лето дразнили.

Володя Шепшаевич

Москва

Рисовал Гира Герасимов, 9 лет. Москва

ЛАГЕРНЫЕ РАССКАЗЫ

ЗА МОРКОВЬЮ

Изгородь отделяла лагерный парк от колхозных огородов. Колька и Федька тем хвалились, что через эту изгородь перепрыгивать могли. Ну, а мы, остальные, так перелезали.

В общем мы были с морковью.

Колхозный сторож пожаловался дяде Косте, начальнику лагеря. Он нас вызвал и пригрозил отправить в Москву. Тогда мы ночью стали ходить. Страшновато в парке, луна, деревья шепчутся, а мы идем. Так еще интереснее. А наутро опять свежая морковная ботва.

* * *

Сторож стоял у мачты, у только что спущенного флага. Флаг полоскался в тишине. Линейка молчала — мы что-то предчувствовали.

Дед начал:

— Гляжу я как-то, а этот, — и кивнул в сторону Кольки, — надергал, у нас морковку и ест. А у нас морковь поздняя, хвостики одни. Жалость смотреть!

Колька только и нашелся что сказать:

— Значит, сажать надо было раньше.

Сторож продолжал:

— Так что правление колхоза решило вас подкормить, — плохо вас, видно, кормят.

Мы были оскорблены до глубины. И мы закричали в едином порыве:

— Уйди, дед!

Тот ушел, хитровато улыбаясь. Дядя Костя тоже улыбался.

Больше ни одной моркови с огорода!

До конца смены только один Колька не помирился с дедом. Он его боялся. Он все боялся, что дед вот-вот вытащит из-под полы каравай хлеба.

НОЧЬЮ

Веранда, на которой мы спим, застеклена даже сверху, как оранжерея. Звезды высыпали на небе. Марс поблескивает своим желтым глазом. Ветер врывается в открытые окна. Он то набежит, шевельнет деревья, те перешепчутся, как сплетники, и опять его нет. Звуки гармошки, песен, мандолины приближаются к нам — это веселится колхозная молодежь. Слышу голос деда Вавилы, нашего ночного сторожа:

— Тише вы, ребят взбудите!

Все разом замолкает.

На улице кричит наш ручной ястребенок. На деревне сторож бьет в колодушку. На другом краю деревни опять песни.

Закрываю глаза, тут же вижу сон; силюсь понять, сплю я или нет. Засыпаю.

Женя Захватов

ШУТКИ

ИГРЫ

ЗАГАДКИ

ШУТКИ

МИЛИЦИОНЕР. Ты потерялся, мальчик?
МАЛЫШ. Нет, это моя мама потерялась.

— Я не могу пойти в школу, потому что свалился в пруд.

— А почему вещи на тебе сухие?

— А я сперва снял их на всякий случай.

УЧИТЕЛЬ. Сколько будет половина восьми?

ПЕТЯ. Какая — сверху или сбоку?

УЧИТЕЛЬ. Что значит — сверху или сбоку?

ПЕТЯ. Ну, если сверху — это будет ноль, а сбоку — три.

ЖУК ПОД ГРИБОМ. Какой чудесный зонтик! И чем дождик дольше, тем зонтик больше.

МАМА. Скорей, Вася, мы опоздаем. Ты обул уже башмаки?

ВАСЯ. Все обул, только один еще — и готово.

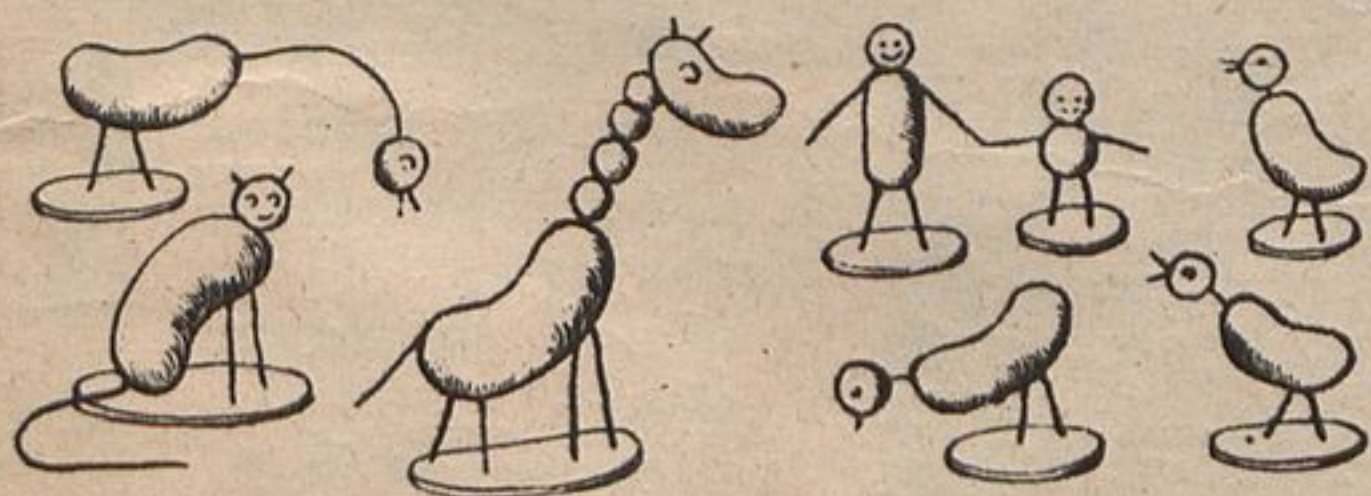
ЗАГАДКИ

1. Нос просунет, хвост проденет, меня оденет.

2. Две сестры качались, правды добивались; правды добились — остановились.

ФАСОЛЬ И ГОРОХ

Из размоченной фасоли и гороха можно сделать смешных человечков, зверей, птиц. Вот, например, два цыпленка: фасолина — туловище, горошина — голова; шея, ноги и клюв — из проволоочки. А подставка — кружочек пробки.

ЗМЕЯ ИЗ ЖОЛУДЕЙ

Возьми один жолудь для головы, а тело змеи сделай из жолудевых „шапочек“. Сперва нанизывай более крупные шапочки, а к хвосту — более мелкие. Язык змеи сделай из ниток, а глаза нарисуй — большие и страшные.

